

«Государство», которого не было? О термине, его значениях и применимости к комплексу владений герцогов Бургундских

Обращаясь к сюжетам, связанным с историей территорий, оказавшихся в конце XIV – XV в. под властью бургундской ветви династии Валуа, исследователь вольно или невольно вынужден задумываться о том, что же именно представляло собой это постепенно формировавшееся обширное политическое образование. Применение к нему термина «государство» даже в его наименее лишенном коннотаций с реалиями централизованных государств Нового времени (подразумевающими наличие развитой и унифицированной системы управления, суверенитета, регулярной армии и налогообложения, монополии на насилие и т.д.) и обобщающем значении «страна» может вызывать определенные сложности. Вспоминается, что, по меньшей мере, существовали «страны / земли здесь» (*paus de par-deçà*) и «страны / земли там» (*paus de par-delà*), географически оторванные друг от друга, не считая совсем короткого периода, на который Карл Смелый сумел занять Лотарингию. И внутри этих двух «территориальных блоков» также существовали далеко не однородные по своему внутреннему устройству и специфике социально-политического развития «области» или «княжества» (герцогства, графства, отдельные сеньории). В этой связи оказывается неудачным и термин «принципат» (даже если отбросить стойкую ассоциацию с «принципатом Августа») или «княжеское государство».

Впрочем, использованию термина «государство» (по крайней мере, за пределами средневековой Европы) упомянутые выше проблемы мешают относительно редко. Например, централизованные китайские империи с весьма развитыми традициями бюрократического управления могли признавать, иногда и не только формально, верховную власть создаваемых кочевниками государств, а их собственный контроль над частью периферии мог сводиться к получению дани, собираемой местными племенными элитами. Целый же ряд возникавших и исчезающих политических образований мог похвастаться лишь весьма аморфной административной системой, даже в той зоне, которая составляла их ядро. Власть правителей средневековых европейских королевств и империй (и т.н. «феодалная система») тоже была далека от соответствия критериям государственности Нового времени.

При этом и перепроверка соответствия реалий коннотациям, вкладываемым, например, в термин «раннее государство» социальными антропологами (наличие контроля центральной власти над периферией, экономикой, перераспределением, внешней торговлей, ремесленным производством) может принести любопытные результаты не только в случае с владениями герцогов Бургундских. Хотя в большинстве случаев речь пойдет об очень сложных обществах, значительно превосходящих по уровню своего развития вождества и даже сверхсложные вождества. И всё же технически употребление термина «государство» оказывается удобным для упрощения изложения. Оказывается проще сказать о его специфике или аморфности, оговорить, что отсутствовала сформировавшаяся четкая система управления или был крайне слабым контроль центра над периферией, чем придумать адекватную реалиям замену. И, к примеру, словосочетание «государство Меровингов» не вызывает у большинства читателей внутреннего протеста. Существование же полисов и «городов-государств», талассократий и т.д. в отдельных случаях позволяет отразить существовавшую специфику, а применение, когда это возможно, слов «империя», «королевство» избежать ассоциаций, связанных с «государством».

Но в случае с «государственностью» владений герцогов Бургундских, по всей видимости, сказывается целый ряд «неблагоприятных факторов», перечисленных ниже. Это способствует продолжению бурной дискуссии о применимости к ним этого термина даже как «технического», несмотря на очевидные проблемы с поиском адекватной замены. Возможная «держава» звучит несколько высокопарно для частого употребления, а сочетание «герцогство Бургундское», часто применяемое ко всему комплексу владений герцогов создает путаницу, даже если не считать его вовсе ошибочным.

- Формирование их владений пришлось на «переходный период», когда в некоторых странах шло формирование национальных централизованных государств, что невольно создает почву для сравнений. При этом хотелось бы отметить тот факт, о котором зачастую забывают: будь этот процесс уже завершен или хотя бы близок к завершению во Франции, шансов «надстроить» над частью земель, принадлежавших французской короне, вероятно, просто не появилось бы.

- Комплекс владений герцогов Бургундских «накладывался» на территории, входившие в состав Франции и Империи (что создавало ситуацию «двойственного вассалитета»), но в основном плохо контролируемые «центральной властью» (в нидерландских княжествах власть Империи была фактически номинальной). Тем не менее, по крайней мере, в ряде княжеств в Нидерландах герцоги столкнулись с достаточно сложными и разными системами властных «представительных» структур, которые на протяжении предшествующих десятилетий стали конкурентами местных правителей, претендуя на участие в управлении и принятии наиболее важных решений, а также вотирующих экстраординарные налоги. Вынужденные опираться и на их поддержку для легитимации своей власти, в дальнейшем герцоги сталкивались с трудностями при попытках проведения реформ в духе «централизаторских тенденций». Тем не менее, если в начале процесса формирования этого комплекса владений, вероятно, можно говорить о личной унии, попытки централизации управления в дальнейшем и усилия по сплочиванию местных элит (пусть и не всегда удачные) показывают её перерастание в нечто большее. И это ставит вопрос о том, насколько здесь соотносились традиции децентрализации (и существовало сходство с универсалистской моделью государственности) и тенденции к централизации.

- Владения герцогов Бургундских, несомненно, были очень богатыми. Но доступ к основным источникам этого богатства (доходам от внешней торговли, производства тканей и т.д.) в определенной мере был затруднен. Герцогам было необходимо договариваться с местными элитами, в том числе, элитами крупных и могущественных нидерландских городов (часть из которых находилась на грани превращения в «города-государства», но так и не перешагнула через эту черту), не готовых добровольно отказаться от находившихся в их руках «рычагов власти», что неоднократно вызывало проблемы. В значительной части Нидерландов существовала и устоявшаяся традиция сопротивления подданных в случае недовольства правителем. Эти факторы политической нестабильности сказывались в Нидерландах и в последующий период уже при Габсбургах. Яркий пример – Гентское восстание 1539-1540 гг., во многом спровоцированное готовностью городских властей на большие траты в связи с проведением ландювела редерейкеров (состязания обществ риторики) и отказом при этом выделить средства правителю. Фактически правитель оказывался в очень сильной зависимости от подданных.

- Собранный из множества частей, комплекс бургундских владений не имел ярко выраженного политического центра (это отразило и то, что созданные в итоге для Бургундских Нидерландов органы центрального управления были рассредоточены). Герцоги стремились хотя бы частично соблюдать интересы своих подданных из разных княжеств и не допустить значительного политического доминирования той или иной части своих владений.

- Существовавшие языковые различия (и сохранявшиеся ассоциации подданных герцогов со своими княжествами) также вызвали определенные сложности, на определенном этапе сказывавшиеся и на организации управления.

- Распад комплекса владений герцогов Бургундских был вызван во многом субъективным стечением обстоятельств. Но при этом Марии Бургундской удалось удержать в своих руках значительную часть своего наследства. С одной стороны, это отражает слабость существовавших структур управления и значительную силу подданных, сумевших воспользоваться ситуацией и навязать свои условия подчинения, с другой, – то, что, по крайней мере, в Нидерландах сформировавшиеся за несколько десятилетий связи оказались достаточно прочными при всем сохранении местных традиций и институтов.

В этой связи было бы интересно поговорить о возможных параллелях в других регионах Европы, чтобы понять, насколько бургундская специфика была уникальной. И том, возникают ли сложности с употреблением термина «государство», если речь идет о довольно специфических политических структурах.

Встает и вопрос, насколько важным является сохранение всей территории государства для того, чтобы говорить о преемственности в случае смены династии или, например, изменения формы государственного устройства.